

СТАТЬЯ ЗНАЧИТ СТАТЬЯ: ОБ ОДНОМ КЛАССЕ ТАВТОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ^{1, 2}

Вилинбахова Е. Л. (elenavilinb@yandex.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Ключевые слова: тавтологии, метаязыковые конструкции, русский язык, интернет

ARTICLE MEANS ARTICLE: ON ONE PATTERN OF TAUTOLOGIES IN RUSSIAN

Vilinbakhova E. L. (elenavilinb@yandex.ru)

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

The study based on Internet and corpus data [RNC] deals with a special pattern of tautological constructions in Russian called metalinguistic tautologies. The notion was briefly introduced in 1996 by E. Miki as a label for a set of quite heterogeneous examples, but was not further developed. While other tautologies describe entities in the real world, metalinguistic tautologies refer to the use of a linguistic expression. Such constructions show that the speaker is employing a word or an expression in its common, straight meaning. Therefore, they are most often used when context allows other possible interpretations of the linguistic expressions (such as euphemisation, irony, or hyperbole), and sometimes such alternatives are explicitly spelled out: *Inexpensive means inexpensive, not poor quality*. Metalinguistic tautologies are established in Russian with patterns *X znachit X*, *X oznachaet X* 'X means X', *X eto X* 'X is X', and are distinguished from homonymous constructions by their semantic and pragmatic features.

Key words: tautologies, metalinguistic constructions, Russian language, Internet

¹ Автор выражает признательность анонимным рецензентам статьи за их замечания и предложения.

² Работа поддержана грантом Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-1778.2014.6.

*Если дипломат говорит «да», это значит «может быть»,
если дипломат говорит «может быть», это значит «нет»,
если дипломат говорит «нет», значит, это не дипломат.*

*Если женщина говорит «нет», это значит «может быть»,
Если женщина говорит «может быть», это значит «да»,
если женщина говорит «да», значит, это не женщина.*

*Если военный говорит «да», это значит «да»,
если он говорит «нет», это значит «нет»,
если военный говорит «может быть», значит, это не военный.*

(Анекдот)

1. Вводные замечания

Тавтологические конструкции вида *Жизнь есть жизнь* неоднократно становились объектом лингвистических исследований. Особенно активно обсуждались вопросы, связанные с механизмом их интерпретации, возможностью их перевода с одного языка на другой без потери смысла, влиянием контекста и лексического наполнения конструкций на возможные инференции и т.д., см. [Grice 1975], [Levinson 1983], [Wierzbicka 1987], [Gibbs, McCarrell 1990], [Ward, Hirschberg 1991], [Miki 1996], [Bulhof, Gimbel 2001], [Падучева 2004], [Meibauer 2008], [Rhodes 2009] и др.

На материале русского языка Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелёв выделяют два ряда тавтологических конструкций: *X (и) есть X, X всегда / везде X* и т.п., с одной стороны, и *X — это X*, с другой стороны: «значение конструкций первого ряда: все манифестации X-а, т.е. члены класса X или «инстанты» индивида X, в общем, одинаковы, и нет оснований ждать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого. <...> Для X — это X общее значение состоит в «выделении X-а среди прочих индивидов или классов; констатация его особого места; особенности отдельных манифестаций могут не приниматься во внимание» [Булыгина, Шмелёв 1997: 506–509].

Можно заметить, что Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелёв связывают значения обоих рядов тавтологий с определёнными синтаксическими моделями, однако первичными являются именно семантические признаки: идея равноценности членов внутри класса для первого ряда и идея исключительности класса для второго ряда. Отметим, что конструкции обоих рядов используются говорящим для выражения мнения по поводу объектов или явлений окружающей действительности.

Тавтологии, о которых пойдёт речь, образуют третий ряд и могут быть проиллюстрированы примерами (1) и (2). В настоящей работе они обозначаются как *метаязыковые тавтологии* (далее — МТ), термин заимствован из [Miki 1996].

- (1) А: Лео, тут надо разобраться, что в вашем понимании есть рыбалка!!!
Б: Рыбалка значит рыбалка.... РЫБУ ЛОВИТЬ.....и народ ухой угостить...³

³ Примеры взяты из Интернета, если не указано иное. Из соображений краткости адреса не указаны, но, разумеется, в материалах они присутствуют.

- (2) А: Что значит «завтра»? Он должен взять билет.
Б: *Завтра означает завтра. Успеет купить.*

Статья построена следующим образом: после краткой истории вопроса (раздел 2) будут описаны особенности МТ, отличающие их от других тавтологических конструкций (раздел 3); разновидности МТ и их общее значение (раздел 4); репрезентации МТ в русском языке и формально сходные конструкции, которые МТ не являются (раздел 5). В разделе 6 представлены итоги исследования.

2. История вопроса

Первое упоминание о МТ встречается в статье [Miki 1996], посвящённой значению тавтологических конструкций. Э. Мики исследует, каким образом «бессмысленные» тавтологические высказывания обретают значение в коммуникации, и приходит к выводу, что в тавтологиях набор известных собеседникам характеристик объекта идентифицируется в контексте текущей ситуации с самим объектом. Автор указывает на существование особых случаев, которые отсылают к языковому коду участников коммуникации, и обозначает их как «метаязыковые» тавтологии (англ. *metalinguistic tautologies*). В статье даны следующие примеры:

- «(33) *When I said kid, I meant K-I-D, kid!* ‘Когда я сказал ребёнок, я имел в виду Р-Е-Б-Ё-Н-О-К, ребёнок’.
- (35) *When he said three o'clock, he meant three o'clock* (P. G. Wodehouse, *The Romance of an Ugly Policeman*) ‘Когда он сказал «три часа», он имел в виду три часа’.
- (37) *Partial means partial* ‘Неполный значит неполный’.
- (41) *I'm glad to meet you, I said, meaning the words.* (J. Braine. *Room at the top*) ‘Очень рад познакомиться с вами, — сказал я, и это были не пустые слова: я действительно был рад’ (пер. Т. Озерской и Т. Кудрявцевой).
- (42) *I don't have one. / — What do you mean you don't have one? / — I mean I don't have one* (C. Webb. *The Graduate*) ‘У меня его нет / Что значит, у тебя его нет?/ Это значит, у меня его нет’
- (43) *We are getting sick and tired of it. When I say he's in Chicago, he is in Chicago.* (F. S. Fitzgerald. *The Great Gatsby*) ‘Покою нет от вашего брата. Раз я говорю, он в Чикаго, значит, он в Чикаго’ (пер. Е. Калашниковой)»

[Там же: 641].

Можно заметить, что приведённые Э. Мики примеры разнородны по форме и особенно по содержанию: ср. (35) и (43). В первом случае говорящий указывает,

что языковое выражение *три часа* в устах героя действительно имело буквальное значение ‘три часа’, а не ‘2.50’ или ‘пол четвёртого’, т. е. он имел в виду ровно то, что сказал, и этот частный смысл совпадает с общепринятым значением выражения *три часа*. Во втором случае говорящий подчёркивает достоверность предоставляемой слушателю информации и убеждает посетителя в том, что босса *действительно* нет на месте, т. е. в данном контексте языковое выражение *он в Чикаго* является истинным. Отметим, что для случаев, аналогичных примеру (35), соответствие содержания языкового выражения и реальной действительности не обязательно:

(35') *Когда он сказал «три часа», он, конечно, имел в виду три часа, но, к сожалению, из-за пробок смог добраться только к половине четвёртого.*

(43') **Если я говорю, он в Чикаго, значит, он в Чикаго, но на самом деле он Калифорнии.*

По-видимому, эти противоречия можно было бы устранить при более тщательной разработке понятия МТ, однако идея не получила дальнейшего развития ни у самого автора, ни у его коллег: класс МТ не упоминается в обзорных частях дальнейших исследований, посвящённых тавтологиям, см. [Bulhof, Gimbel 2001, [Meibauer 2008], [Rhodes 2009].

На русском материале вопрос о МТ был затронут в [Вилинбахова 2013], однако с тех пор удалось сделать некоторое количество дополнений и уточнений.

3. Метаязыковые тавтологии в ряду других тавтологических конструкций

Может показаться, что в определённых контекстах МТ очень близки по смыслу к конструкциям первого и второго ряда, описанным в [Булыгина, Шмелёв 1997]: ср. конструкцию первого ряда (3) и МТ (4) с общей имплицатурой ‘необходимость выполнения обязательств’.

(3) *Но обещание — есть обещание, слово следует держать.*

(4) *А: Что значит — обещание?*

Б: Обещание значит обещание, то, что нарушить нельзя.

Тем не менее, МТ имеют свои особенности, выделяющие их в ряду остальных тавтологий. Наиболее очевидное отличие — это связка ‘обозначать, иметь значение’, с помощью которой в МТ даётся характеристика языковому знаку, а не объектам действительности, как в тавтологиях первого и второго ряда. Кроме того, отличия касаются языковых выражений, используемых в качестве повторяющихся элементов МТ: это их автонимный, а не термовый,

референциальный статус⁴ и их употребление в первом, «наименее переносном» значении.

Как было указано выше, тавтологии первого и второго ряда описывают **внеязыковую действительность**. Рассмотрим следующие примеры: в (5) говорящий признаёт, что семья занимает важное место в жизни человека, и в частности — его собеседника, который пропускает дружеские встречи; в (6) подразумевается, что семья — это надёжный тыл, т. е. в обоих высказываний речь идёт о семье как о социальном явлении.

- (5) *Семья есть семья, но общаться надо и с друзьями, выкидывать нельзя людей из жизни!*
- (6) *Даже если не получится, ты всегда успеешь вернуться домой, ведь семья — это семья.*

МТ, напротив, дают инструкцию к восприятию **языкового выражения**: см. (7), где речь идёт о слове *семья*, толкование которого говорящий даёт в следующей реплике.

- (7) А: Что для Вас значит семья?
Б: *Семья — значит семья! Семья — это дорогие люди, которые всегда будут рядом, что бы ни случилось в жизни.*

Таким образом, в тавтологиях, описанных Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелёвым, первый из повторяющихся элементов имеет термовый референциальный статус, а в МТ — автономный референциальный статус⁵.

Различия в референциальном статусе элементов определяют формальные ограничения на языковые выражения, допустимые в тавтологических конструкциях. Если в тавтологиях первого и второго ряда преобладают именные группы и невозможны, например, союзы или частицы, которые не относятся к референциальным выражениями, то МТ не имеют таких ограничений, см. (8). Также в МТ в качестве повторяющихся элементов могут выступать предикативные конструкции, см. (9) и (10).

⁴ Референциальный статус именных групп, вводящих в рассмотрение ту или иную языковую сущность, называется **термовым**. <...> Референциальный статус имени, которое отсылает не к той или иной сущности в мире и не к свойству, а к самому себе, называется **автономным** [Кобозева 2009: 229].

⁵ С этой точки зрения МТ напоминают «нетавтологические» примеры (см. ниже), где для читателей расшифровываются потенциально незнакомые слова. Однако, в отличие от реальных толкований, МТ не дают новых данных, а отсылают к уже известной собеседнику информации.

Это слово происходит от итальянского «дилетто», означающее «удовольствие» <...>. Дилетант — значит неспециалист, точнее, не получивший специального образования в той отрасли науки, где он отваживается что-то сказать. [НКРЯ]

- (8) А: Ой. / Б: Что ой? / А: **Ой значит ой** и глаза закрой.
- (9) Ну у нас всё просто... **хочу есть значит хочу есть...** а не своди меня в ресторан)))
- (10) Что значит «не люблю»? — Экий ты, брат, непонятливый, — ответил за Лёну Майоров, делая ещё один шаг в их сторону. — **«Не люблю» значит «не люблю»**, ни больше, ни меньше.

Следующая особенность МТ связана с вопросом о характере общих фоновых знаний собеседников и нормативности употребления языковой единицы. Неоднократно отмечалось, что при использовании тавтологических конструкций говорящий даёт отсылку к некоторой информации, хорошо знакомой слушателю, см. [Gibbs, McCarrell 1990], [Miki 1996], [Bulhof, Gimbel 2001], [Meibauer 2008]. Это могут быть общекультурные знания, принятые в языковом коллективе, убеждения, распространённые в кругу отдельной семьи, друзей или коллег, и, наконец, факты, которые только что обсуждались участниками коммуникации. Для тавтологий первого и второго ряда речь идёт о свойствах объекта, поэтому подразумеваемая информация могут быть очень «закрытой» (знать о конкретных свойствах объекта могут только собеседники), а нормативность употребления языкового выражения не имеет значения, ср. (11), где существительное *вышка* используется в значении 'высшая лига'.

- (11) **Вышка это вышка**, не нужно путать её с Украинской лигой.

В случае с МТ идёт отсылка к языковой компетенции адресата, которая также входит в фонд общих знаний собеседников, но уже не может быть «локальной», т.к. это противоречит семантике конструкции. Дело в том, что говорящий, используя МТ, представляет значение языкового выражения как общеизвестное, очевидное, простейшее, поэтому языковые выражения должны не просто присутствовать в сознании носителей языка, но и использоваться в своём первом, «наименее переносном» значении.

Устойчивый, общепринятый характер значения языковых единиц может быть подчёркнут апелляцией к словарю как «единому источнику нормативных сведений о литературном языке, который не пополняется новыми данными и, вообще говоря, содержит информацию, которая заведомо известна говорящему как достаточно образованному человеку» [Июдин 2014: 130], см. пример (12) из данной работы:

- (12) **Новый это значит новый.** (Открой словарь русского языка). Если есть какие то сомнения то не покупай дешевле всё равно не найдёшь [Июдин 2014: 119]

В примере (13) у глагола *спать* имеются оба рассматриваемых значения, но второе является переносным и потому отмечается говорящим.

- (13) **ВНИМАНИЕ!** Это реальное предложение, а не приколы. И, да, когда я говорю «спать» — это не завуалированный намек на интим-услуги. **Спать** — означает спать.

Поскольку в значение МТ входит апелляция к наиболее общепринятому значению, изучение данных конструкций могло бы пролить свет на то, какие значения многозначных слов говорящие считают главными, исходными, подобно тому как тавтологии первого и второго ряда используются для изучения стереотипных представлений об объектах и ситуациях, см., например, [Кобозева 2009: 185–197].

4. Разновидности метаязыковых тавтологий

Как уже отмечалось выше, МТ указывают на соответствие частного употребления языкового выражения общепринятому значению. Такое речевое поведение имеет смысл, когда возможна альтернативная интерпретация, см. тип апелляций к словарю в интернет-дискуссиях и его толкование в уже упомянутой работе Б. Л. Иомдина: «Говорящий употребляет слово X в общепринятом значении, но предполагает, что адресат может неправильно понять значение слова X, и на этом основании заранее оценивает поведение адресата отрицательно» [Иомдин 2014: 118].

Ср. также рассуждения Г. Уорда и Д. Хиршберга, которые считают, что наличие альтернативных вариантов является важнейшим условием употребления в речи любых, а не только метаязыковых, тавтологий: «используя в речи тавтологии, говорящий нарушает постулат количества (информативности), позволяя слушателю сделать вывод, что намеренно не были выбраны определённые альтернативные высказывания. <...> Конкретные варианты отвергнутых альтернативных высказываний зависят от контекста» [Ward, Hirschberg 1990: 510].

В случае с МТ контексты, допускающие альтернативные варианты понимания языкового выражения, делятся, как минимум, на три группы, и, таким образом, можно говорить о трёх разновидностях конструкции.

4.1. МТ, отрицающие эвфемизацию

‘Говорящий подчеркивает, что произнесенная им языковая единица употреблена в наиболее общепринятом значении и не является эвфемизмом, как неправильно предполагает адресат’. Сюда относятся контексты, где языковая единица могла бы заменять собой другое, социально менее приемлемое выражение, как в (13) и (14), где *спать* и *кофе* означает вполне определённый досуг. В эту же группу попадают МТ, отрицающие различного рода намёки, см. (9).

- (14) [обсуждение на тему: «Если мужчина приглашает на чашечку кофе»]
А с чего ты взяла, что секс вообще будет? **Кофе** — значит кофе.

4.2. МТ, отрицающие иронию

‘Говорящий подчеркивает, что произнесенная им языковая единица употреблена в наиболее общепринятом значении, потому что адресат может заподозрить иронию и понять его неправильно’. В данных контекстах возможно шутовское, ироническое и пр. употребление языкового выражения, меняющее его смысл на противоположное, как в (14), где собеседник понимает слово *подарок* как ‘товар за деньги’.

- (15) — *Ладно, а я тебе, шотландо-фриз, между прочим, подарочек приготовил. — Он нагнул и достал из-под прилавка толстенный том. — Кто-то из университетских профессоров заказал — и не выкупил. Словарь британских фамилий. Я думал, какому придурку мне толкнуть эту дурацкую книгу? И вспомнил про тебя.*
— *Спасибо, <...>... Сколько сдержишь за подарок?*
— *Подарок — значит, подарок. Наслаждайся, пока я добрый!*
Фабель поблагодарил Отто еще раз, уже не насмешливо...

4.3. МТ, отрицающие гиперболу

‘Говорящий подчеркивает, что произнесенная им языковая единица употреблена в наиболее общепринятом значении, потому что адресат может предположить преувеличение / преуменьшение и т. п. и понять его неправильно’. Речь идёт о контекстах, где языковое выражение в силу различных обстоятельств может использоваться неточно, с допустимой долей погрешности, как в (15), где автор предполагает, что читатели могут понять выражение *чуть-чуть* (*сознать*) как, скажем, ‘до некоторой степени’, а не ‘совсем немного’.

- (16) [Всероссийский виндсерфинг форум] *И чтобы доска хорошо ребрилась заднюю ногу действительно нужно чуть-чуть сгибать. Но чуть-чуть значит «чуть-чуть», т. е. только чтобы загнуть плавник.*

Можно заметить, что предложенные разновидности МТ соотносятся с коммуникативными постулатами Г. П. Грайса [Grice 1975]: говорящий настаивает, что нарушение, например, постулата истинности не имело места, поскольку, по его мнению, адресат может быть уверен в обратном. МТ указывают, что в данном контексте возможно другое, не буквальное восприятие языкового выражения, однако это не соответствует замыслу говорящего. Таким образом, можно описать общее значение МТ: ‘Говорящий подчеркивает, что произнесенная им языковая единица употреблена в наиболее общепринятом значении и не содержит обычных отклонений от него’⁶ (эти отклонения — эвфемизация, ирония и гипербола — и соответствуют трем приводимым разновидностям конструкций).

⁶ Автор благодарен за эту формулировку анонимному рецензенту.

5. «Истинные» и «ложные» метаязыковые тавтологии

Как видно из примеров в [Miki 1996], на материале английского языка класс МТ представлен различными синтаксическими моделями. В русском языке распространены модели *X значит X*, *X означает X*, а также модель *X — это X*, см. (17).

- (17) *Воспитанный в строгих канонах западной дипломатии, когда «да» — это «да», а «нет» — это «нет», он не понимал всех хитростей и тонкостей политики на Востоке* [НКРЯ]

Пунктуационное оформление МТ в текстах разнообразно и определяется автором сообщения: возможны кавычки или курсив для одного или обоих повторяющихся элементов, запятая, тире, многоточие до и после связки и т. д.

Наиболее «удобной» для исследователя является модель *X означает X*, поскольку полученные при запросах данной модели примеры в большинстве случаев оказываются МТ. Возможность замены связки (*значит* / *это*) в остальных конструкциях на связку *означает* без изменения смысла зачастую может служить тестом на принадлежность их к МТ. Примеры по модели *X — это X* могут оказаться как МТ, так и тавтологиями второго ряда, выражающими идею исключительности класса (см. раздел 1). При запросе модели *X значит X*, помимо МТ, выдаются примеры омонимичной конструкции *X значит X* со значением неконтролируемости выбора и импликатурой ‘ситуацию изменить невозможно, и переживать по этому поводу бессмысленно’, сходную с конструкцией *X так X*, описанную в [Копотев, Файнвейц 2007].

- (20) *Двойка значит двойка! Это мелочи жизни.*

В указанных выше случаях «истинные» МТ отграничиваются от омонимичных конструкций достаточно легко: «ложные» МТ обладают другим значением, а языковые выражения в них имеют термовый, а не автономный референциальный статус.

Более сложным являются случаи вроде (*Если / раз*) *Y говорит X, значит (,) X*, *Сказано X — значит X* и т. п., которые Э. Мики относит к МТ, см. известный рекламный текст, аналогичный приведённому выше примеру (43) из [Мики 1996].

- (18) *Муж: Лично я всё решаю сам. Как скажу, так и будет. Если я говорю на футбол, значит на футбол.*
Жена: А не стоит ли нам поехать к маме?
Муж: Если я говорю к маме, значит, к маме.

В разделе 2 уже было отмечено, что для подобных примеров важно соответствие значения языкового выражения (в данном случае, *на футбол* и *к маме*) действительности, которое для остальных МТ не играет роли. Более того, языковое выражение является лишь одним из компонентов ситуации, которая, как показывает

маркер *значит*, «служит говорящему основанием для того, чтобы он сделал речевой акт логического вывода» [Храковский 1998 цит. по: Апресян и др. 2010: 220]. Строго говоря, намеренность общения вообще не является обязательным при порождении языкового выражения в данных конструкциях, см. (17), где тесты показывают определённый результат, который соответствует действительности.

(19) *Ненене, они [тесты] никогда не врут! говорят добрый — значит добрый. Я им теперь знаешь как верю.*

Значение данных конструкций можно сформулировать следующим образом: 'В случае, если языковое выражение X порождается в заданном контексте, можно сделать вывод, что имеет место ситуация, которая совпадает с планом содержания X', что не соответствует рассмотренному выше значению МТ и, следовательно, позволяет не относить их к классу МТ.

6. Выводы

В русском языке, наряду с описанными Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелёвым двумя рядами тавтологических конструкций со значениями равноценности членов внутри класса и исключительности класса, представлен также класс метаязыковых тавтологий вида *Нет значит нет*. Используя МТ в речи, говорящий подчеркивает, что произнесенная им языковая единица употреблена в наиболее общепринятом значении и не содержит обычных отклонений от него, а именно: эвфемизации, иронии и гиперболы. В отличие от других тавтологий, языковые выражения в МТ имеют автономный референциальный статус, что позволяет использовать в данных конструкциях любые языковые единицы. В русском языке МТ представлены синтаксическими моделями *X значит X*, *X означает X* и *X — это X*, которые отграничиваются от омонимичных конструкций по семантико-прагматическим признакам.

Литература

1. Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. (2010), Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря, Языки славянских культур, Москва.
2. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. (1997), Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики), Школа «Языки русской культуры», Москва.
3. Вилинбахова Е. Л. (2013), Доклад значит доклад: метаязыковые тавтологические конструкции в русском языке, Тезисы конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», Санкт-Петербург, с. 9–10, режим доступа: www.iling.spb.ru/confs/rusconstr2013/pdf/abstracts.pdf
4. Кобозева И. М. (2009), Лингвистическая семантика, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», Москва.

5. *Копотев М. В., Файнвейц А. В.* (2007), Изучать так изучать: синхрония и диахрония, Научно-техническая информация, Серия 2, Информационные процессы и системы, Вып. 9, с. 29–37.
6. *Иомдин Б. Л.* (2014), Загугли в Дале. Словари в интернет-дискуссиях, в Современный русский язык в интернете, «Языки славянской культуры», Москва, с. 114–132.
7. *Национальный корпус русского языка*, режим доступа: www.ruscorpora.ru
8. *Падучева Е. В.* (2004), Динамические модели в семантике лексики, «Языки славянской культуры», Москва.
9. *Bulhof J., Gimbel S.* (2001), Deep tautologies, Pragmatics and Cognition, Vol. 9–2, pp. 279–291.
10. *Gibbs R. W., McCarrell N. S.* (1990), Why boys will be boys and girls will be girls: understanding colloquial tautologies, Journal of Psycholinguistic Research, Vol. 19, pp. 125–145.
11. *Grice H. P.* (1975), Logic and conversation, in Syntax and Semantics, Vol. 3: Speech Acts, Academic Press, New York, pp. 41–58.
12. *Levinson S.* (1983), Pragmatics, Cambridge University Press, Cambridge.
13. *Meibauer J.* (2008), Tautology as presumptive meaning, Pragmatics and Cognition, Vol. 16, pp. 439–470.
14. *Miki E.* (1996), Evocation and tautologies, Journal of Pragmatics, Vol. 25, pp. 635–648.
15. *Rhodes R.* (2009), A Cross-linguistic comparison of tautological constructions with special focus on English, available at: www.linguistics.berkeley.edu/~russellrhodes/pdfs/taut_qp.pdf
16. *Ward, G. L., Hirschberg J.* (1991), A pragmatic analysis of tautological utterances, Journal of Pragmatics, Vol. 15, pp. 507–520.
17. *Wierzbicka A.* (1987), Boys will be boys: ‘Radical semantics’ vs. ‘Radical pragmatics’, Language, Vol. 63, pp. 95–114.

References

1. *Апресьян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Б. Л., Саников В. З.* (2010), Theoretical issues in Russian syntax: interaction of grammar and dictionary [Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: vzaimodeystvie grammatiki i slovary], Jazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow.
2. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* (1997), Linguistic conceptualization of the world (on the material of the Russian grammar) [Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)], Shkola “Jazyki russkoy kul'tury”, Moscow.
3. *Bulhof J., Gimbel S.* (2001), Deep tautologies, Pragmatics and Cognition, Vol. 9–2, pp. 279–291.
4. *Gibbs R. W., McCarrell N. S.* (1990), Why boys will be boys and girls will be girls: understanding colloquial tautologies, Journal of Psycholinguistic Research, Vol. 19, pp. 125–145.
5. *Grice H. P.* (1975), Logic and conversation, in Syntax and Semantics, Vol. 3: Speech Acts, Academic Press, New York, pp. 41–58.

6. Iomdin B. L. (2014), Google in Dal. Dictionaries in Internet discussions [Zagugli v Dale. Slovari v internet-diskussiyakh], in Modern Russian language in Internet [Sovremennyy russkiy yazyk v internete], "Jazyki slavyanskoy kul'tury", Moscow, pp. 114–132.
7. Kobozeva I. M. (2009), Linguistic semantics [Lingvisticheskaya semantika], Knizhnyy dom "LIBROKOM", Moscow.
8. Kopotev M. V., Faynveyts A. V. (2007) If we study we study: both synchrony and diachrony [Izuchat' tak izuchat': sinkhroniya i diakhroniya], Scientific and technical information. Series 2, Informational processes and systems [Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya, Seriya 2, Informatsionnye protsessy i sistemy], Vol. 9, pp. 29–37.
9. Levinson S. (1983), Pragmatics, Cambridge University Press, Cambridge.
10. Meibauer J. (2008), Tautology as presumptive meaning, Pragmatics and Cognition, Vol. 16, pp. 439–470.
11. Miki E. (1996), Evocation and tautologies, Journal of Pragmatics, Vol. 25, pp. 635–648.
12. Rhodes R. (2009), A Cross-linguistic comparison of tautological constructions with special focus on English, available at:
www.linguistics.berkeley.edu/~russellrhodes/pdfs/taut_qp.pdf
13. Russian National Corpus [Natsional'nyy korpus russkogo yazyka], available at:
www.ruscorpora.ru
14. Paducheva E. V. (2004) *Dynamic models in lexical semantics* [Dinamicheskie modeli v semantike leksiki], Jazyki slavyanskoy kul'tury, Moscow.
15. Vilinbakhova E. L. (2013), Presentation means presentation: metalinguistic tautologies in Russian [Doklad znachit doklad: metayazykovye tautologicheskie konstruksii v russkom yazyke], Proceedings of the Conference "The Russian language: constructional and lexico-semantic approaches" [Materialy konferentsii "Russkiy yazyk: konstruksionnye i leksiko-semanticheskie podkhody], St. Petersburg, available at: www.iling.spb.ru/confs/rusconstr2013/pdf/abstracts.pdf
16. Ward, G. L., Hirschberg J. (1991), A pragmatic analysis of tautological utterances, Journal of Pragmatics, Vol. 15, pp. 507–520.
17. Wierzbicka A. (1987), Boys will be boys: 'Radical semantics' vs. 'Radical pragmatics', Language, Vol. 63, № 1, pp. 95–114.